КРОКОДИЛ

7 МАРТ 1970

— К Ивану Ивановичу? Без шлепанцев? Нельзя!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

В. КАНАЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

Фабрика начинается с вывески.

Вначале угрюмые чугунные буквы оповещали: «Суконная фабрика Василия Барышникова». Того самого, который похвалялся, что может набить деньгами все касторовые чулки собственного производства. А выпускал он их ни много ни мало — 1 800 дюжин в год.

Когда Василий Барышников отправился в чулках собственного производства в тот мир, где деньги пригодились бы лишь для растопки котлов в преисподней, на воротах появилась вторая вывеска: «Товарищество Василия Барышникова сыновей». Тех самых, которые пеклись о духовном росте рабочих. Фабриканты-просветители хвастали, что возвели для всесторонней образованности работных людей заведение «в виде трактира с бильярдом».

— Облагодетельствовали! — вздыхали ткачи.—У нас и без ихнего бильярда хоть шаром покати... Лучше бы заработок прибавили!

Умиленные растущими запросами рабочих, хозяева решили передать их дальнейшее образование в руки квалифицированных педагогов. «Будучи наслышан, что расквартированные здесь войска на днях имеют быть отозваны,— писал один из хозяев черниговскому губернатору,— позволю себе обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбой, не признаете ли Вы необходимым оставить войска здесь еще на некоторое время, пока между рабочими более или менее установится спокойствие и нормальное течение жизни в окружающей местности.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою...».

Эскадрон учителей подоспел вовремя: рабочие начали забастовку. С помощью наглядного пособия — нагаек — забастовщикам преподали первые азы политграмоты...

Но вот наступил год — тот самый, когда рабочие дали исторический урок отпрыскам Барышникова...

Покорнейшие слуги его превосходительства вместе с самим превосходительством смазали пятки.

Власть переменилась. Сменили ткачи и старую вывеску на фабрике. Назвали ее просто: «Стодольская суконная фабрика».

Для выдержанного в стиле барокко особняка, в котором Барышниковы пересчитывали барыши, нашлось более достойное применение. В нем открылся рабочий клуб. Это торжество было решено отметить чаепитием. Только вот незадача — к чаю оказалось нечего подавать. Тогда написали бумагу в горпродком: «Настоящим фабрично-заводской комитет просит отпустить за наличный расчет для открытия рабочего клуба, предполагающееся быть в пятницу 28 сего февраля:

муки пшеничной — 3 пуда
сахару — 2 пуда

Причем комитет доводит до сведения, что всего рабочих и служащих Стодольской фабрики 555 человек».

Среди рабочих обнаружились таланты, а у талантов, как и водится, поклонники. Поклонники сообщили правлению фабрики: «В субботу, 26 июля, в Стодольском рабочем клубе устраивается спектакль для рабочих, ставят «Мещане», пьесу М. Горького. По сему случаю просим отпустить энергию электричества сверх двух часов».

Однажды клуб не вместил всех желающих. Рабочие собрались на фабричном дворе.

— Другие фабрики по-революционному называются! — горячился слесарь Сиваев.— Наши соседи — имени Коминтерна. А мы все «Стодольская да Стодольская». Суконно как-то.

Ткач Чистяков предложил назвать фабрику именем Ленина.

— Ленин может не согласиться,— засомневались многие.— Откуда он знает, как мы работаем?

— А мы напишем: работаем, мол, хорошо,— выпалил прядильщик Шустер,— и будем стараться еще лучше.

— Москва словам не верит,— авторитетно заявил ткач Степанов.— Надо делом доказать, на что мы способны...

— И докажем: пошлем Ленину отрез на костюм! — оживился Чистяков.— Тем более что он который год в одном и том же костюме ходит!

Ткачи энергично поддержали эту идею.

Соткать кусок для отреза поручили опытному мастеру Тимофею Игнатьевичу Чистякову. Он, как многие старые ткачи, был человеком религиозным. Осенил себя крестным знамением и принялся за работу... Ткань получилась отменная — мелкой диагонали.

С отрезом послали в Москву Чистякова и коммуниста Семена Илларионовича Кузнецова. Собирали их в дорогу всей фабрикой. Кто-то дал Чистякову новенькие галоши, хотя осень в тот год выдалась на редкость сухая. Тщательно сдунув пылинки с делегатов, рабочие вручили им письмо:

«От рабочих Стодольской суконной фабрики, г. Клинцы, Гомельской губ.

3 ноября 1922 г.

Дорогой наш Ильич!

К пятой годовщине пролетарской революции мы, рабочие Стодольской суконной фабрики, решили назвать нашу фабрику твоим именем. По этому случаю мы посылаем тебе к празднику наше сердечное поздравление и скромный подарок нашей выработки. Мы будем счастливы, если ты, наш учитель и вождь, наденешь костюм, нашими руками сотканный. Носи, Ильич, на здоровье и знай, что мы всегда с тобой!

Преданные тебе и революции рабочие Клинцовской фабрики имени тов. Ленина.

Клинцы, 3 ноября 1922 года».

Вернулись делегаты через неделю.

— Вы где это запропастились? — строго спросили у них. — Уж не загуляли ли?

— За кого вы нас принимаете? — обиделись делегаты.— Нас на праздники в Москве оставили...

— Пусть все по порядку доложат! — крикнул самый обстоятельный из нетерпеливых.

Начал Кузнецов по порядку:

— Привели нас в приемную Ильича. Попросили подождать. Вскоре вышел к нам Михаил Васильевич Фрунзе и говорит:

— К сожалению, Владимир Ильич занят, но он поручил мне позаботиться о вас. Для начала велел накормить...

Мы, конечно, ни в какую. Премного благодарны, не извольте беспокоиться, Михаил Васильевич. Мы только что горячих калачей на Тишинском рынке откушали... А сами, откровенно говоря, готовы были съесть чистяковские галоши!

— Предположим, я вам поверил,— улыбнулся Фрунзе.— Но все-таки я человек военный — должен выполнять приказ...

В буфете за стеклом лежало блюдо тонюсеньких ломтиков хлеба с сыром. Взял каждый из нас по бутерброду, два раза укусил — и нету его. Буфетчица еще подкладывает...

— С одним заданием мы справились,— сказал Фрунзе.— А еще Владимир Ильич наказывал не отпускать вас, чтобы провели вы праздники в Москве...

— Так что не загуляли мы, а участвовали в демонстрации,— с гордостью закончил Кузнецов.— А восьмого числа нам передали ответ Ленина. Вот он, читайте.

«Рабочим Стодольской суконной фабрики в Клинцах.

8.XI.1922 г.

Дорогие товарищи!

Сердечно благодарю вас за приветствие и подарок. По секрету скажу, что подарков посылать мне не следует. Прошу очень об этой секретной просьбе пошире рассказать всем рабочим.

Самые лучшие благодарности и приветы и пожелания. Ваш В. Ульянов (Ленин)».

— А как же нам быть с переименованием фабрики? — растерялись ткачи.— В письме об этом ни словечка...

— Что мы, братцы, приуныли? —воскликнул самый находчивый из нерешительных.— Запретить-то Ильич тоже не запретил. Надо понимать, на наше усмотрение оставил...

Фабрика начинается с вывески.

«Тонкосуконная фабрика имени Ленина»,— прочитал я отливающую серебристыми буквами вывеску на воротах.

— Лучшего названия не придумаешь! — сказал мне ткач, ветеран Михаил Трофимович Степанов. Тот самый, которого в прошлом фабриканты-гуманисты просвещали нагайками...

Мой собеседник был в отутюженном костюме из сукна знаменитой мелкой диагонали...

— Сам я потомственный ткач,— горделиво подчеркнул Михаил Трофимович и неожиданно замялся,— вот только дети мои свернули с отцовской дорожки... Наверное, я их в угол ставил мало... Взять, к примеру, сыновей: один директором школы стал, другой — капитаном первого ранга. Дочка вроде бы послушной была, в текстильный техникум пошла... Так нет! Тоже изменила фамильной специальности. Сейчас — директор интерната в Ленинграде... Вся надежда на внучат. Если пойдут в деда — глядишь, и возродится на фабрике имени Ленина степановская династия!..

г. Клинцы, Брянской области.

— Жалко старый дом сносить. Пожалуй, еще не один год бы продержался...

Рисунок И. СЫЧЕВА

1970
АПРЕЛЬ
22
СРЕДА
1870 — Родился Владимир Ильич ЛЕНИН

Г. ГЕРАСИМОВ

«Нью-Йорк таймс» — самая толстая, самая «солидная», очень себя уважающая, поигрывающая на брюшке лорнетом «объективности» буржуазная газета. Ее лозунг: «Все новости, достойные опубликования». Эти слова украшают не только газету, но и коробки спичек, которые можно получить при посещении редакции. Недавно вышла книга об истории газеты, где она сравнивается с королевством.

Спору нет, «Нью-Йорк таймс» держится посолиднее своих сестер, за что получает дивиденды в виде уважительного цитирования там и сям.

Недавно я провел несколько вечеров в Нью-Йоркской городской библиотеке, проглядывая микрофильмы газеты за 1917—1924 годы.

Впервые газета упомянула имя Ленина в апреле 1917 года. Довольно скоро «Нью-Йорк таймс» сообщила, что Ленин — это псевдоним. Она даже выразила удовлетворение, что в этом слове достаточное количество гласных в отличие от обычных русских фамилий, перегруженных, дескать, согласными.

7 ноября 1917 года основной новостью в газете были итоги выборов мэра города Нью-Йорка. 8 ноября она скромно сообщила, что «большевики захватили здания официальных учреждений».

Газета проявила поистине дьявольскую проницательность, уведомив через десять дней читателя, что подлинные цели Ленина и большевиков — «забрать все деньги из банков и даже у частных лиц и поделить добычу между собой». «Нью-Йорк таймс» тут же предсказала скорый крах «ленинского эксперимента». Она повторяла это предсказание потом еще десятки раз.

Больше всего нравилась тогда газете детективная история о большевиках — «немецких агентах». «С первой недели ноября 1917 года,— болтала она даже осенью 1918 года,— в России существует немецкое правительство, каждый шаг которого, вплоть до самого незначительного, направляется немецкими военными властями». Со ссылкой на посла США в России Фрэнсиса «Нью-Йорк таймс» сообщала, будто речи Ленину готовит... принц Леопольд Баварский. Посол, как видим, был вполне на уровне газеты.

«Солидная» газета оказалась в луже не случайно, не по недосмотру редактора. Разглядеть Ленина ей помешала классовая слепота встревоженной буржуазии, чьим рупором «Нью-Йорк таймс» остается и по сей день.

Американский журналист Джон Рид прекрасно разобрался тогда в «десяти днях, которые потрясли мир». Но «Нью-Йорк таймс» не печатала его корреспонденций и придерживалась своей оценки Октября.

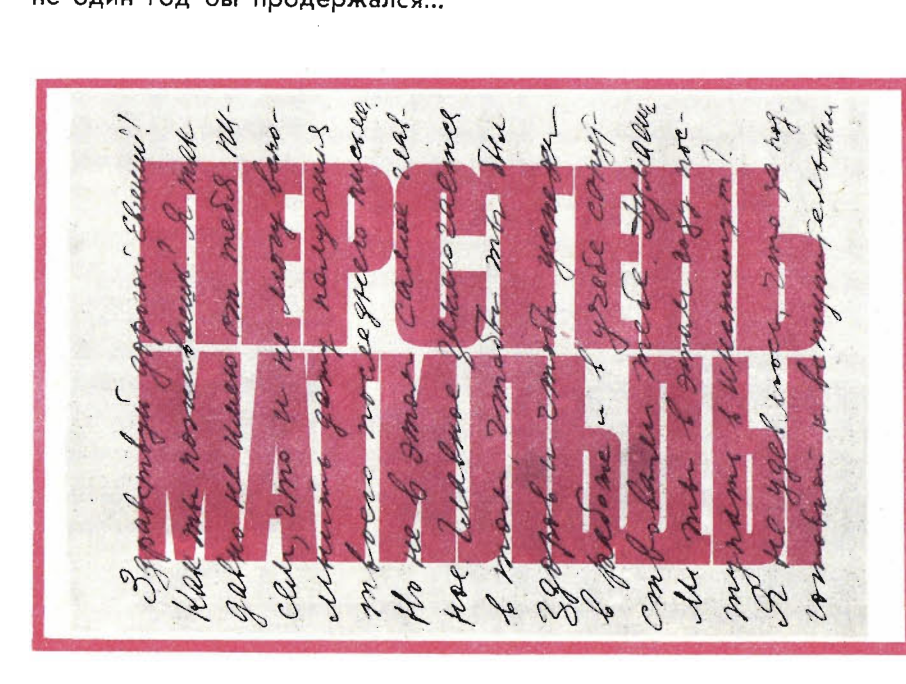
Когда Герберт Уэллс привез из Советской страны свои впечатления, «Нью-Йорк таймс» обрушилась на него как на человека, «заблудившегося в российской мгле».

«Весьма затруднительно,— ругалась она,— сохранить уважительное отношение к г-ну Уэллсу, учитывая его последние статьи о России».

Прошли десятилетия, но в редакции «Нью-Йорк таймс» время будто остановилось: она дудит в ту же дуду. Опубликовала, например, недавно статью «Ретроспективный взгляд на Ленина», где используется всяческое старье, вплоть до «немецкой» темы.

Что ж, горбатого могила исправит...

А вдруг повезет?

Везет же людям: кто по лотерее авторучку выиграет, кто оренбургский пуховый платок. А меня угораздило — «Москвич-412»! И вот тут я первый раз в жизни слабохарактерность проявил: нет, чтобы взять деньгами да встать в очередь на этого самого «Москвича», так ведь попросил выигрыш в виде машины.

— И дался тебе этот «Москвич-412»! — сказали мне начальник сахалинского Облрыболовпотребсоюза тов. Синяков и председатель красногорского рыбкоопа тов. Аникин, отвечавшие за лотерею.— Его еще год ждать будешь. А хочешь, мы тебе холодильник «Бирюса» дадим да еще плюс к нему «Москвич-408»? За рубль и это жирно будет!..

Вот тут я второй раз в жизни слабохарактерность проявил: взял. «Чем ничего,— думаю,— лучше уж это». А что вы хотите, за рубль и в самом деле жирно! Но только наши «потребсоюзовцы» злую шутку надо мной учинили. Выдали мне машину, которая дрожит, гудит и не работает. Но я все-таки нашел выход: разберу-ка весь этот металлический лом, сдам, куда следует сдавать, выручу потерянный рубль и вновь куплю лотерейный билет.

А вдруг повезет?

Н. КУЗЬМИН

г. Красногорск, Сахалинской области.

Чего только в Эжве нет!..

Статистики, анализирующие жизнь поселка Эжва (Коми АССР), где построен крупнейший лесопромышленный комплекс, после некоего подсчета горестно ахнули. Оказалось, что потребление духовной пищи на каждую душу тридцатитысячного населения этого поселка в четыре раза меньше, чем, скажем, в столице республики — Сыктывкаре. В четыре раза меньше, другими словами, они покупают книг.

Однако стали копать глубже и докопались, что местные жители тут ни при чем. Они как раз к литературе тянутся. Только книги им в руки не даются.

Все есть в Эжве: и жилмассивы, спланированные по последнему слову науки, и Дворец культуры, и плавательный бассейн. А печатные издания разве что кой-когда в тележке-лотке промелькнут и быстро иссякнут.

Говорят, на днях пришел в поссовет некий гражданин пенсионного возраста и стал голосить:

— Дайте, родненькие, чего-нибудь почитать, милосердия ради! Грамоте боюсь разучиться.

Сжалились над стариком, вынесли ему толстенный том с надписью «Дело об открытии в Эжве книжного магазина».

И какие только постановления в томе том не нашел старикан! Разнообразные и многолетней выдержки. Долго листал он страницы, а потом сказал:

— Лет на пять вперед начитался. Авось, к тому времени магазин и появится.

А. ПОЛДНЕВА,

зам. директора Сыктывкарского книготоргового куста

Короче говоря...

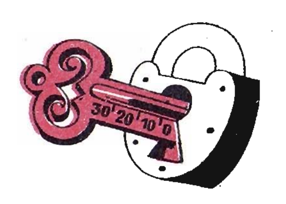
Некоторые произведения киноискусства действуют на зрителя лучше самого сильнодействующего снотворного. А вот в клубе села Гимры во время демонстрации таких фильмов никто даже не дремлет. Здесь любую киночепуху переносят стойко. Вернее, стоя. В зале, рассчитанном на 500 мест, всего 28 полуразломанных стульев.

М. МАГОМЕДОВ

Унцукульский район, Дагестанская АССР.

В магазине мое внимание привлекла симпатичная вещица. Я решил, что это комнатный термометр, сделанный в форме ключа. Выпущен ивановским заводом «Термометр» (Москва). Но, перебрав несколько термометров, я обнаружил, что на всех показания шкалы не зависят от температуры окружающего воздуха. Так я стал обладателем оригинального сувенира: ключа в форме комнатного термометра.

А. ФОМИН

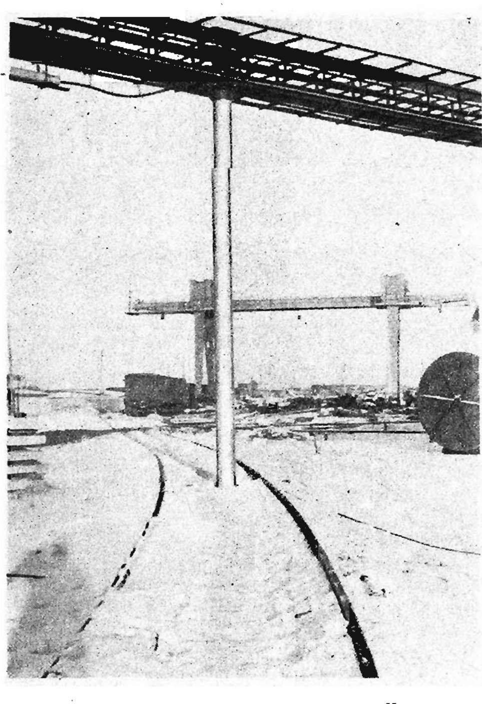
г. Кемерово.

Во втором районе Ильичевского порта активно проходит подписка на многотиражную газету. Оно и не удивительно. Для желающих читать газету — подписка добровольная, для нежелающих — принудительная.

Ю. ОСАДЧЕВ

Ильичевский порт.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ГИБРИД

В хозяйстве Алтайского моторного завода прошлой весной была выстроена электрокабельная эстакада от складов к одному из цехов. Выстроил ее стройучасток № 2 барнаульского стройуправления «Стройгаз».

А в августе вот таким образом был построен маневровый железнодорожный путь.

Строительство завершено. Теперь, как водится у добрых людей, нужно обновить новую железнодорожную ветку.

Думается, что прокатиться в первом поезде имеют полное право начальник стройучастка А. Соловьев и начальник ОКСа завода Н. Падюков. А поскольку строители сварганили эту штуку по проекту харьковского филиала «Гипротракторосельмаша», то и проектировщикам тт. Карпенко и Быкову должно найтись в поезде почетное место.

Как далеко они уедут по этому пути — угадать трудно. Одно скажем. Если не найдут способа проехать сквозь опору эстакады, придется эстакаду переделывать. А это плохо. Во-первых, жалко тратить десятки тысяч рублей. А во-вторых, какое уникальное сооружение погибнет!

Е. ВАКСМАН

г. Барнаул.

НА РАДОСТЬ ПОКУПАТЕЛЯМ

В городе Коммунарске, Ворошиловградской области, открылся новый продовольственный магазин № 33. Все в нем радует глаз, но самый приятный сюрприз ожидает, едва переступаешь порог магазина.

В любом магазине — приходишь, оплачиваешь стоимость товара в кассу и получаешь покупку. А вот здесь — хочешь ты этого или не хочешь, но надо обойти все отделы. И в каждом обязательно отметиться у продавца. Только с листком, где запечатлены автографы продавцов всех отделов магазина, ты получаешь наконец доступ к кассе.

Администрация магазина предусмотрительно заказала в типографии 50 000 экземпляров таких обходных листков-анкет для покупателей. А касса их собирает — для грядущего научного анализа.

Все предусмотрено в этих листках, одно только упущение: не указана фамилия инициатора столь редкого начинания, пронизанного исключительной заботой о покупателе.

Возможно, этот пробел будет восполнен, когда администрация магазина № 33 вновь закажет еще 50 000 обходных листков.

Л. ЕГОРОВА

Дитя и собес

Много ли в жизни человека таких масштабных событий, как рождение? Не слишком. Разве что уход на пенсию.

Не случайно поэтому возник и бытует обычай отмечать дни рождения и дарить новорожденным «на зубок» замки, титулы и комплекты пеленок.

Когда в семье Баевых родился третий ребенок, в Тагильском собесе решили отметить это событие со свойственной уральцам широтой. На имя счастливой матери из собеса Тагилстроевского района прибыл перевод на 20 рублей.

«Пособие на погребение» — было написано на обороте.

К подарку собесовских фей остался бесчувственным только новорожденный. Он не понимал, почему плачет мама, не все ли равно рождение или погребение. Ребенок гукал, сучил ножками, и взгляд его был младенчески невинным, совсем как у работников Тагилстроевского собеса.

У. М.

ВИЛЫ В БОК!

А ЧТО, ЕСЛИ?..

В редакцию пришло два письма. Автор первого, читатель А. П. Витенберг, пишет:

«Дорогой Крокодил!

Оказывается, и ты порой допускаешь оплошности. Непонятно? А ты загляни-ка в свой первый номер за 1970 год. В разделе «Нарочно не придумаешь» ты перепечатал из новотроицкой газеты такое объявление:

«К сведению граждан!

Механическая мастерская КБО, расположенная по адресу: пос. Юрга, ул. 1 Мая, 31, принимает заказы на переделку оренбургских холодильников на саратовские. Срок исполнения заказов 10 дней...»

Как тебя угораздило выдать всей стране наш новотроицкий секрет? Теперь нашу маленькую мастерскую завалят заказами со всех городов и весей, и мы будем ждать переделки оренбургских холодильников на саратовские не 10 дней, а месяцами. Эти оренбургские агрегаты в комиссионном магазине стоят 45 рублей, и их все равно не брали. Кому нужна пародия на холодильник, пусть даже уцененная? А теперь, разумеется, расхватают и потащат в мастерскую».

А. П. Витенберг как в воду глядел. На днях мы получили письмо директора Новотроицкого комбината бытового обслуживания тов. Смолькина и зам. секретаря партбюро тов. Сорокина:

«Дорогой Крокодил!

Согласны, объявление было составлено не очень-то удачно. Но вот что мы хотим сообщить. По многочисленным заказам трудящихся мы устанавливаем в холодильниках «Оренбург» компрессионные агрегаты холодильника «Саратов». Заказчики довольны. Особенно много стало заявок от иногородних граждан на реконструкцию оренбургского холодильника после выхода в свет первого номера журнала «Крокодил».

Нас удивляет: до каких пор оренбургский завод будет выпускать никому не нужные холодильники? В этих холодильниках с аммиачными агрегатами температуры ниже плюс 5 градусов не бывает».

А. П. Витенберг так закончил свое письмо:

«А знаешь, дорогой Крокодил, я даже чуток возгордился за мастеров из Новотроицкого КБО. Ведь у них не завод, а всего лишь маленькая мастерская, а вот поди ж ты! Ухитрились из дряни вещь делать! Молодцы! Может, ты и правильно поступил, напечатав объявление. Теперь, благодаря тебе, все узнают, как они утерли нос заводу».

Прочитали мы эти письма, и появилась у нас мысль: а что, если оренбургский завод сам возьмется за переделку своих холодильников на саратовские?

КАК ПРЕДСТАВЛЯЮТ НЕКОТОРЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА:

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

А. МОРАЛЕВИЧ, специальный корреспондент Крокодила

ЕСТЬ КОМУ БЕРЕЗУ ЗАЛОМАТИ

Есть резон поразмышлять о земле и колхознике.

Сэкономим место — опустим проблему любви крестьянства к земле. (Для пишущих диссертации — см. творч. насл. Некрасова, слуш. песн. Исаковского.)

Опустим проблемы всхожести, яловости, свиной чумы, культивации, ящура, засоленности почв, градобития (см. труды ВАСХНИЛ, Ветакадемии).

Оставим проблему: город рубит сук, на котором сидит. Лязгая стальным костяком, прикрываясь дымом из труб и несовершенными нормативами 1927, 1936, 1952 гг., город вторгается на поля, прокармливающие его, и самовластно отнимает эти поля.

Терзают и рвут поля совхоза «Политотделец»: череповецкие металлурги, газораспределители, скотооткорм, искусственные осеменители, подстанции, сельхозтехника, бактериологов станция, азотнотук.

Это рвут супески и суглинки.

Есть также смелость рвать черноземы.

Вкратце: от колхоза имени Ленина (Ростовская область) предприятия города Белая Калитва оторвали шестьдесят один гектар земли под разное и огороды сотрудников.

Конечно, страна велика. Даже на маломасштабной карте приставь палец к точке «Калининград», проведи по карте до точки «Владивосток» — и то палец нагреется до невозможности. При таких побудительных размерах страны, очевидно, глупо рвать землю крохами, пядями. И ростовский завод имени Октябрьской революции; комбинат домостроителей-крупнопанельщиков делают аннексию в колхозе имени Мясникяна — пятьдесят четыре гектара земли. Отбери пятьдесят четыре овцы — это суд, уголовщина. А земля — ничего, это можно. Здесь все? Извините! Идут люди завода и комбината в дружественное горбюро технической инвентаризации и выходят оттуда с громобойной бумагой, где площадь захвата земель у колхоза утверждена вдвое большая против прежней. И угрожающий палец торчит из бумаги колхозу в грудь: «Категорически запрещается вести работы, связанные с распашкой и производством посевов».

Попробуй нарушь!

Аксайский район. Новочеркасский трест «Водоканал» извергает на поля колхоза имени Горького смрадные воды и губит тридцать девять гектаров. Потом в нечистотах того же треста захлебываются восемнадцать гектаров пашни, пятьдесят четыре гектара пастбищ другого колхоза.

И ничего. Сельхозугодья Ростовской области — почти девять миллионов гектаров. Испакостить да отторгнуть десятков пять тысяч — велика ли беда?

А тут же поезд летит по ростовской степи. Вечер, мерцают тревожным огнем самовозгоревшиеся терриконы шахт, серный дым течет на равнины. Сатаной пахнет и адом. И сидит поездной пассажир, укупорив окна, нахохлившись и перхая.

— Промежду прочим,— бодрым голосом говорит проводник,— от разъезда 1115-й километр бравое будет место, в самый раз продышаться. Лес там насажен сплошной, сколько глаз видит. Дубы да клены. Один такой лес по степям, нигде больше нету!

И пассажир берется за оконные скобы, чтобы отдраить окна у столбика с цифрой 1115. Но не отдраил, и проводник замкнулся в купе от позора. Ибо лес Донского лесничества отчасти уже не лес. Что с уникальным лесом? А Несветайская ГРЭС шукает тут уголь. От пробуренных скважин лес усыхает, и есть надежда, что усохнет совсем: сто новых скважин планируют в лесу несветайцы, грунтовые воды уйдут.

Одновременно там же, в Ростовской области, выходит на большак хлебороб и обмирает: прямо по ячменю и пшенице, через всю тучную ниву, змеится тропа, хлеб выбит начисто. Однако зря на крик прибегает записной сельский охотник Ипат с резервным патроном за ухом. То не медведь прошел полем сосать ячменя. Пионер и отличник военизированной игры «Зарница» подросток Глеб кажет пальцем на землю и говорит, что медведь не бывает на гусеничном ходу и соляром не пачкает, а просто буровая установка геологов углубилась в поля по хлебам. Так же просто, как люди из шахтерских городов, без согласований и волокиты, устраивают общегородские помойки на пахотных землях. Все просто.

А в Бурятской АССР есть сильно утомленное городским браконьером село Романовка. Потому романовский сельский житель вешает на лошадь табличку «Вот лошадь» и на корову табличку — «Корова». Чтоб не путали и не стреляли.

В колхозе «Россия», Ростовской области, колхозник на полях втыкает таблички: «Вот поле пшеницы», «Вот поле люцерны». Чтобы городские часом не помяли. Но тресты «Шахтшахтострой», «Шахтантрацит», комбинат «Ростовуголь» внимания не обращают, выживают колхоз из полей. И трестовский бульдозерист, большой жизнелюб и ударник, от хорошего настроения и веселья крови разворачивает стрелку указателя «Вот поле люцерны» острием в хмурое небо. Так в парках культуры и отдыха заскучавшие обалдуи разворачивают стрелку указателя «Туалет» в направлении комнаты смеха...

Где же запретительные заслоны, где люди со сведенными к переносью бровями, кто борется с земельными самозахватчиками?

Есть борцы. В зданиях облсоветов взбирайтесь на последний этаж, находите под застрехой самую захолустную комнату. Наверняка борцы сидят тут, помещений краше им не отводят.

Так, на седьмом этаже ростовского Дома Советов бьется с превосходящей силой противника землеустроительный отдел И. А. Дрючина. Здесь пять человек (две женщины) выдерживают тяжелые осады пришедших топнуть ногой и шарахнуть дверью архитекторов, директоров предприятий, проектировщиков. Здесь говорят в ответ на их притязания:

— Нас, товарищ, не примирит ничто, но, уходя, не хлопайте дверью, потолок обвалоопасный. Пользуйтесь дверью лифта.

Однако товарищ-самозахватчик хлопает дверью и идет захватывать дальше. Потому что землеустроитель — слабак против захватчика и обуздать не в силах. Скажем, взять людей санэпидслужбы («Мышки есть?.. Крыски есть?..»). С этими будь почтителен. У них санкции, права госинспекторов, штрафануть могут на месте. А землеустроитель? Его жми, вредоносного. Можно жать, и опаски нет. Ну, пискнет он, издаст некий плач Ярославны, а свыше прав нету.

Есть еще много отрадностей для людей с заводов, из трестов и главков. Индустрия наша громадна? Громадна. А в промышленных пригородах, где пуще всего наступает на земли город, сколько стало земельных инспекторов? Было по два на район, и то не справлялись совать нос в дела растущей индустрии, теперь же вовсе — один! Хватай ее, землю, ребята! Пусть семижильный он, устроитель земли,— не набегается на всех по судам, заморочится.

И разор происходит в бескрайности наших нив. Геологи должны убирать с полей бетонные опоры буровых установок, ямы ровнять, тампонировать скважины. Где там!

Автомобили, разбив по распутице колею официальной дороги, рядом торят по полю другую, третью, пятую, і все по озимым хлебам.

В проектирующих организациях к землице отношение плевое. Есть указание — строить линии электросети вдоль существующих дорог, шоссе, только не через поля — проектанты воротят нос. Так вбиваются деньги в проект мощных линий Новочеркасск — Тихорецкая, Сальск — Новопокровское, Койсуг — Зерноград, хотя эти проекты в силу явной же вредности полагалось рубить в зародыше.

И как в бальном танце, поставленном с размахом Бондарчука, вьются по полям столбы и опоры. И говорит председатель колхоза «Россия» товарищ Пасеков:

— Ох, мутит!

Ну, стоят вот столбы. Вокруг них кружиться на тракторах, сеялках и комбайнах — прямая морская болезнь. Но даже не в том трагедия. Вокруг тысяч столбов остаются неопаханные, незасеянные острова. Здесь немедля плодятся чертополохи и ползут душить поле. На острова полоть сорняки должны предприятия, протянувшие линию. Но если хоть одно это делает,— автор данного текста согласен публично вываляться в репьях.

Так поступает промышленность с сельским хозяйством.

Хотя есть непреложный документ — «Основы земельного законодательства». «Основы» гласят: ведите строительство в зонах, непригодных для полеводства. Предписано руководствоваться.

А чтобы да — так нет. «Основы» новейшие, год издания 1969-й, но проектант фанатично вперяется в норматив 1952 года и гундит про неведомый уклон 0,03. И уж будьте уверены, что опасный уклон 0,03 не будет обнаружен как раз в пределах самого плодородного поля, что диктует захватить его под строительство, склад щебня и так далее. Глупо не захватывать, если за это всего лишь журят незлым бабулиным голосом.

И у членов колхозных правлений в задымленных вечерних конторах происходит бомбаж черепной коробки от мыслей — кто защитит?

Валентин КАТАЕВ

Рассказ

В те далекие времена мой друг Вася только что был принят в труппу прославленного академического театра и уже успел выступить в пьесе о гражданской войне в массовой сцене митинга, где он стоял в толпе солдат, время от времени выкрикивая своим красивым, густым баритоном:

— Правильно! Даешь! Прррравильно!

Высокий красавец юноша, со стройной фигурой футболиста, он шел рядом со мной по улице, обнимая меня сзади за плечи и заглядывая мне в лицо своими прекрасными глазами, в которых, как в зеркале, отражались неуемная жажда славы и колоссальный аппетит, который ему никогда не удавалось полностью удовлетворить.

Он говорил:

— Знаешь, старик, о чем я мечтаю?

— Знаю. Ты мечтаешь съесть большую глубокую тарелку флотского борща с мясом и не менее двух порций свиных отбивных.

— Это само собой. Но главное заключается в том, что я страстно мечтаю сыграть Гамлета. И не как-нибудь, а сыграть грандиозно, совершенно по-новому; дать этот классический образ в соответствии,— как нас учит гениальный Станиславский,— с жизненной правдой, без малейшего актерского наигрыша, безо всех этих гамлетовских штампов — раздумий, вздохов, многозначительных пауз, шатаний, душевных колебаний и прочего.

— Ну и что же это будет у тебя за Гамлет?

— Это будет, вообрази себе, вопреки общепринятому представлению о принце Датском, совсем еще молодой человек, юноша, почти мальчишка, высокий, сильный, здоровый, со спортивной фигурой, ослепительной улыбкой: бицепсы — во! Пищеварение — во! Все время чувствует дьявольский аппетит. Любит пожрать; не дурак выпить, обожает хорошеньких девчат. Чувствуешь мысль?

Он жарко, как собака, дышал мне в лицо и заглядывал в глаза.

— Одобряешь?

— Одобряю.

— Спасибо. Будь уверен — не подведу. Такого Гамлета выдам на-гора, что публика ахнет. Главное, чтобы мне дали эту роль, а остальное пустяки...

* * *

Шли годы, и я снова встретился с моим старым другом Васькой. Теперь он уже был заслуженный артист, отрастил порядочный живот, носил бобровую шапку с традиционным бархатным верхом, но в глазах его горел прежний, знакомый мне молодой огонь дерзаний.

— Знаешь, старик, о чем я мечтаю? — спросил он после первых поцелуев и восклицаний. — Мечтаю сыграть Гамлета.

— Как! Разве ты его еще не сыграл?

— Представь себе, нет. Еще не сыграл. Не дают, черти. Приходится играть современную лабуду. Впрочем, оно и к лучшему. У меня за эти годы созрела новая, совершенно гениальная концепция Гамлета. В общих чертах: мой Гамлет — человек средних лет, плотный, но по-прежнему красивый, с легкой проседью на висках, с довольно заметным брюшком, не дурак выпить и закусить, женат, но, между нами, не прочь поволочиться за хорошенькой женщиной... Ну, как тебе нравится?

— Прелестно.

— Благословляешь?

— Благословляю. Валяй!

* * *

Через некоторое время мы снова встретились. Вася с одышкой, медленно шел по улице, распахнув шубу, но в глазах его я уловил следы былого энтузиазма.

Мы расцеловались.

— Как живешь, Вася? Что играешь?

— Живу недурно, а играю... — он тяжело вздохнул, — все ту же современную лабуду. Но знаешь, о чем я мечтаю?

— Знаю. Ты мечтаешь сыграть Гамлета.

— Да, но к а к о г о Гамлета!

— Догадываюсь. Гамлета — человека средних лет, с солидным животиком...

— А вот и не угадал. Мой Гамлет будет совсем другой, необычный. Пожилой, умудренный житейским опытом, с одышкой...

— Не дурак выпить и закусить, — вставил я.

— Ни в коем случае, — сказал Вася. — Строжайшая диета. Алкогольного ни капли. Черный кофе отпадает совершенно. Курить — ни-ни-ни!

— Не прочь поволочиться за хорошенькой женщиной, — игриво заметил я.

— А вот и нет, — со вздохом ответил Вася. — Только в самом исключительном случае. Носит очки, принимает на ночь легкое успокоительное... Чуешь? Это будет грандиозный Гамлет. Публика ахнет!

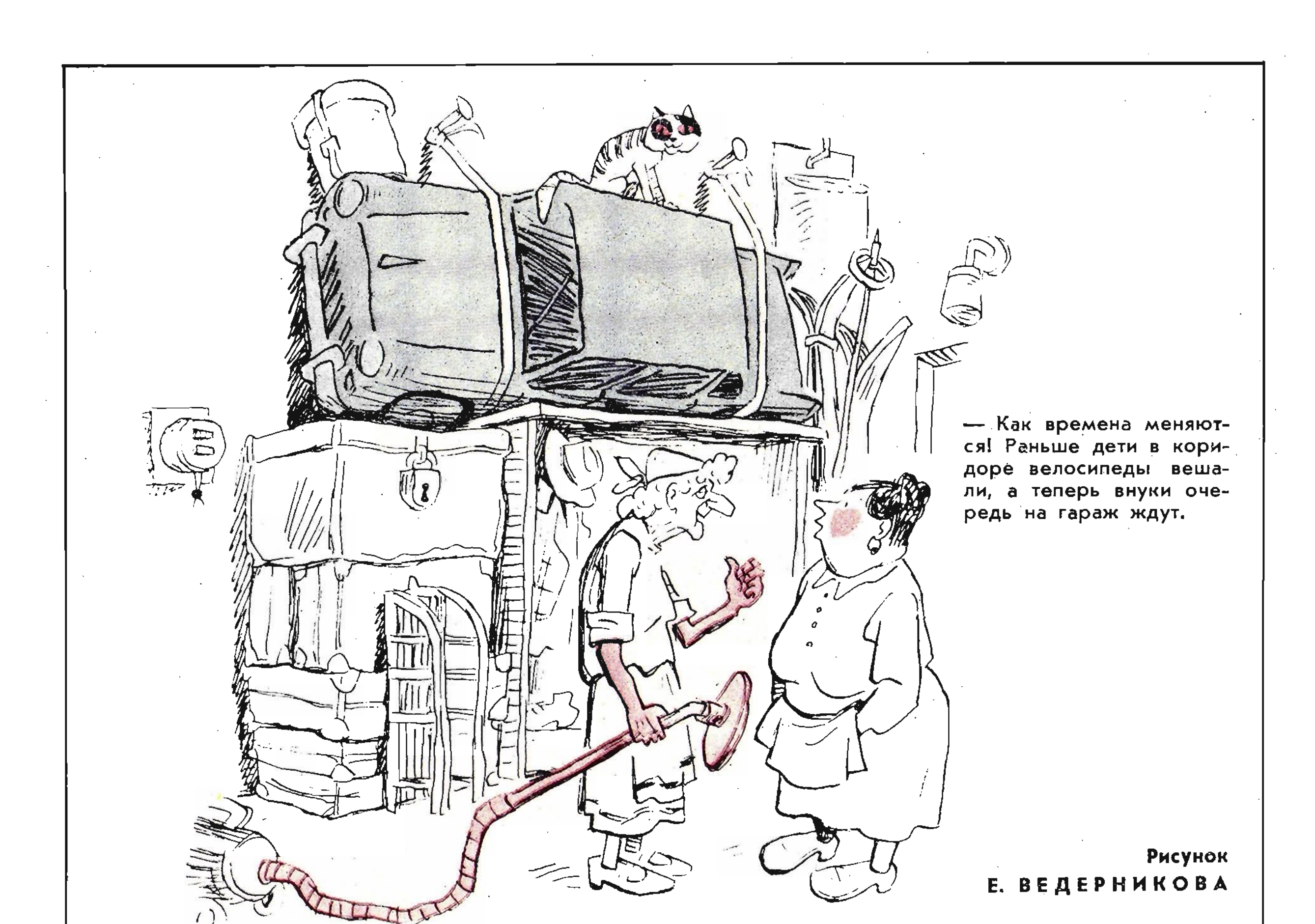
* * *

— Здорово, Вася. А я было тебя и не узнал. Ну как живешь, что играешь, о чем мечтаешь?

— Играю лабуду, а мечтаю сыграть Гамлета. Совсем по-новому. У меня, брат, Гамлет задуман так: старик. Уже на пенсии. Жена — ведьма. Дети — хамы. Перенес два инфаркта. Ходит с палочкой...

— Не дурак выпить, — вставил я.

— Да, но исключительно валокордин, — со вздохом сказал Вася.

— Как времена меняются! Раньше дети в коридоре велосипеды вешали, а теперь внуки очередь на гараж ждут.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

Юной души извивы

Внимательный любитель и собиратель поэзии А. Шумилов из сибирского села Вагай сообщил редакции о своем открытии. Он обнаружил, что стихотворение В. Субботина «Снег» перекочевало из Москвы в Хабаровск, приобретя по дороге иную подпись.

Сравнили мы два сборника — «Избранную лирику» В. Субботина (издательство «Молодая гвардия») и «Сходство» (название-то какое, почти в самую точку!) Н. Жураховской (Хабаровское книжное издательство). Установили, что стихотворение-кочевник не только сменило подпись, но и подверглось мощной творческой обработке: лишилось первого четверостишия, а слова «как враз» изменились на «как сразу», «какое движение» — на «живое движение». Все остальное у Н. Жураховской, очевидно, не вызвало возражений.

Хабаровское издательство в предпосланной сборнику «Сходство» аннотации заявило, что «перспективными кажутся первые пробы пера выпускницы средней школы из с. Ленинское Нины Жураховской». И действительно, если такова первая проба, то перспективы раскрываются самые широченные и без всякого «кажется».

Р. БЕРКОВСКИЙ

— Наш Дворец культуры начинается с библиотеки.

Рисунок
В. ЧИЖИКОВА

Зоран БОЖОВИЧ

КРЫШКА

Собрание гладко шло к финишу, и вдруг слово попросил Миле.

— Товарищи! Я не знаю, кто решил предоставить четырехкомнатную квартиру нашему директору, когда он и так уже имеет трехкомнатную, в которой проживает вдвоем с женой, но я с этим не согласен и предлагаю вместо четырехкомнатной квартиры попросить две двухкомнатные для Перы и Жики, которые со своими семьями вынуждены мыкаться по чужим углам.

Короткое голосование — и товарищ директор остался в трехкомнатной квартире. После собрания он подозвал своего секретаря:

— Нужно проверить, был он пьян или, может, за его спиной кто-то стоит. Узнайте, не доводится ли он каким-нибудь родственником Митровичу.

На следующий день утром секретарь доложил:

— Он не был пьян, никто за его спиной не стоит, никаким родственником товарищу Митровичу он не доводится, но он болен. Он сказал мне, что у него тяжелая болезнь и те несколько недель, которые ему еще осталось жить, он будет говорить прямо и честно.

Дкректора это никак не устраивало. Тем более что назревало распределение премий. Поэтому директор вызвал Миле и предложил ему отдохнуть парочку недель в курортной местности на острове Хвар. Миле поблагодарил и сказал, что он предпочитает оставаться на своем рабочем месте. Тогда директор предложил ему командировку на Мадагаскар, но Миле и от этого отказался.

Директор попал в затруднительное положение. Срок распределения премий уже истек, а Миле все еще не собирался помирать. Подождал директор еще с неделю и созвал собрание. Председатель комиссии по распределению премий хриплым голосом зачитал, кому сколько. Присутствующие молчали, ожидая, что вот сейчас Миле начнет костить начальство за несправедливый дележ премий. Ждали они пять минут, десять, пятнадцать. Миле спокойно рассматривал носки своих ботинок.

— Ну, Миле готов! Раз он промолчал, значит, ему крышка: преставляется раб божий,— пришли к выводу присутствовавшие.

Однако они ошиблись. Миле не грозила никакая крышка, более того — он как раз начинал свою новую жизнь. В этот день в клинике ему сообщили, что диагноз был ошибочным и у него нет ни малейших признаков неизлечимого заболевания.

Перевел с сербскохорватского В. ЧЕСТНОЙ

ЖАМИДИН

ГОТОВЬСЯ, ДОРОГОЙ!

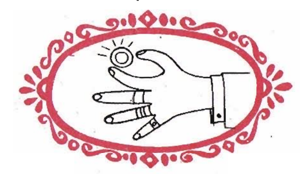
Примерно с год тому назад
Сказал знакомый мой:
«Справляю скоро свадьбу, брат,
Готовься, дорогой!»

Прошло полгода, и опять
Сказал знакомый мне:
«На свадьбу скоро буду звать,
Готовься по весне!»

Пришла весна, прошла весна,
Знакомый ни гу-гу...
И вдруг я слышу: «Старина!
Ты у меня в долгу!

Того, что свадьбу пропустил,
Тебе я не прощу!
На свадьбе без тебя грустил
И до сих пор грущу!»

— К чему грустить?
Не в этот раз,
Так я приду в другой,
Ты ж не в последний раз сейчас
Женился, дорогой!..

ОДИН И ВСЕ

Порою один, убеждающий всех,
Гораздо скорее добудет успех,
Чем все, убеждая его одного,
Сумеют успеха достичь своего!

ИНОЙ

Иной из младших
старшим быть не хочет:
Ведь старший
и за младшего хлопочет...
Иной из старших
младшим стать боится:
Ведь младший
должен старшим подчиниться!

ЛЕГЧЕ И ТРУДНЕЙ

С умным трудная задача
Легче, проще и ясней.
С дураком совсем иначе:
С ним и легкое — трудней!

Перевел с лезгинского
Андрей ВНУКОВ

ПОД УГЛОМ 40°

Виктор
АЛДАНСКИЙ

Своих ног не узнал!

Он до того напился как-то раз,
Что зашатался и свалился в грязь.

Жена взглянула: в луже муженек,
И торбаса сняла у мужа с ног.

Сама купила эти торбаса,
Решила, что грязниться им нельзя.

А муж лежит в грязи, и хоть бы хны,
Лежит и спит, должно быть, видит сны.

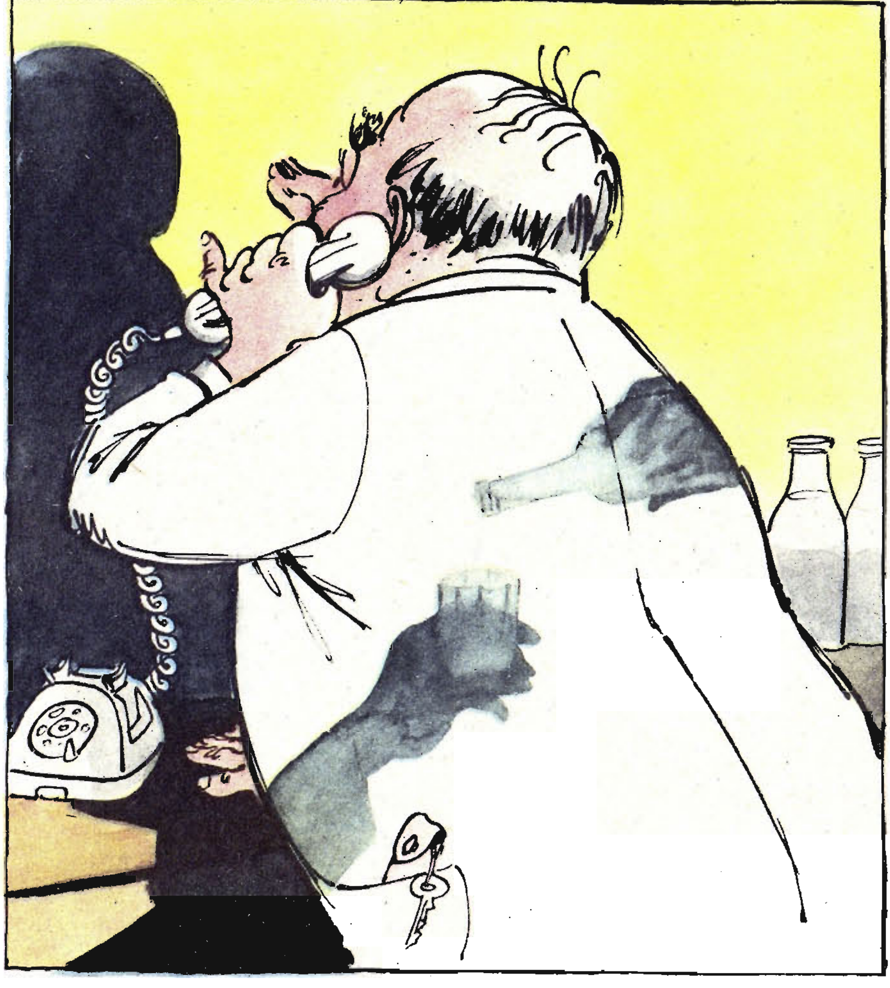
Проезжий будит пьяного: — А ну,
Разлегся ты, мужик, во всю длину!..

С дороги ноги убери, дружок,
Чтоб по дороге я проехать мог!

А тот: — Что значит «ноги убери»?
Чьи ноги, ты тому и говори.

Не помутнело у меня в глазах,
Мои, я помню, были в торбасах!

Перевел с якутского Николай ГЛАЗКОВ

— Я не замечал, чтобы в нашей чайной распивали спиртные напитки.

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

— Вот тебе раз! Кажется, не те инструменты захватил!

Рисунок Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО

МИМОХОДОМ

В забегаловку обычно заходил, на работу забегал.

С. МАРКОВ

Весомая плата: «Коня! Поллитра за коня!»

А. ЛИГОВ

Заключение врача вытрезвителя: «Практически жив».

Ю. СКРЫЛЕВ

Скольких Колумбов погубили сорокаградусные широты!

А. КРЫЖАНОВСКИЙ

Э. ПОЛЯНСКИЙ, специальный корреспондент Крокодила

ДЕТИ ЛЕЙТЕНАНТА ШАМРАЯ

(Из записок командированного)

Поздно. Метет. В гостинице нет мест. Притушен свет в здании горкома. Спит помощник секретаря, контролирует во сне ключи от номеров, предназначенных для областных и столичных командированных. Несу свой портфель в ночь по закоулкам незнакомого города. На улице Шмидта захожу погреться в городской медвытрезвитель.

Три пары глаз пробуют меня на алкоголь. Трезвый. Смотрят вопросительно. Представляюсь. Знакомимся. Прошу пустить на ночлег.

— С удовольствием бы,— говорит лейтенант Шамрай.— Люди мы гостеприимные. Сами разъезжаем по городу в поисках гостей. Но принимаем их при условии кондиционности.

— Так перед вами вполне созревший командированный,— убеждаю я. Замерзший. Голодный. Небритый. Не спавший двое суток.

— Сочувствуем и соболезнуем.— встревает в разговор второй милиционер, совсем молоденький, с девичьими глазами.— Но кондиционность ваша как бы не наша. Для полного созревания вам необходимы грамм двести-триста.

— Где их взять в такой час,— потерянно говорю я.— Да и язва у меня двенатиперстной кишки. Алкоголь мне противопоказан.

— Эх, жаль человека!— оттаивает лейтенант.— Видать, с ног валится. Но нарушить порядок не имеем права. Разве что...

— Что разве? — подхватываю я.

— Разве что клиентура не поступит. Такое бывает. Редко, но бывает. Раз в квартал.

— Сегодня именно тот случай, убеждаю я.— Метель. Мороз за двадцать. Пьяные разбрелись по домам.

— Поедемте с нами по городу,— предлагает Шамрай.— Если никого не привезем, так и быть, заночует нас. Возьму грех на душу.

Покорно лезу в кабину. По левую сторону от меня, за рулем, молоденький милиционер Нестеренко. По правую — лейтенант Шамрай. Переключатель скоростей натужно трется о мое колено. Видавший виды милицейский фургон с трудом набирает скорость.

Я тревожно вглядываюсь через метель в пустые улицы. Если найдется какой-нибудь любитель поваляться в сугробе, тогда прощай теплая постель. Но сугробы стоят непомятые как подушки на застеленной постели. Пьяных нет.

— Заворачивай на «Гидромаш»,— командует лейтенант шоферу.

Минут через пятнадцать мы подъезжаем к заводу. Машина резко тормозит. Мои попутчики, словно сговорившись, выскакивают из кабины. Вылезаю и я. Шамрай стоит около какого-то парня. «Трезвый»,— мелькает у меня. Нестеренко догоняет второго. Тот сопротивляется, сбивает милиционера с ног. Короткая борьба, и Нестеренко подводит к машине пьяного парня.

«Все погибло! — переживаю я.— Вкушать гостеприимство вытрезвителя буду не я, а этот юный шалопай с лицом плута. Везет же людям!»

Обоих парней ведут в проходную. Для выяснения личности. Так как пьяный с неизвестной целью восседал на заводских воротах. А трезвый бесцельно любовался его поведением.

Вахтер Сажин держится нейтрально. В глазах прострация. Никого не одобряет и не осуждает. Держится на расстоянии. Чтобы невзначай не зашибли. И для верности приговаривает:

— А я что? Мое дело — сторона.

Трезвого парня Шамрай отпускает, перенеся в блокнотик данные из его документов.

Пьяного, оказавшегося Александром Ловчиковым, токарем «Гидромаша», доставляет в вытрезвитель.

— Ну что, Сашка, будем раздеваться? — усевшись за стол, обращается Шамрай к токарю.

— Ни в жизнь,— говорит Сашка.— Тут не баня. И не медосмотр.

— Разденем насильно,— угрожает Нестеренко.

— А раздевайте,— куражится Сашка. Даже приятно, когда тебя раздевают, как ребенка.

Его раздели и под ручки отвели в постель.

Он положил ноги на подушку и сладко уснул.

— Удивительно,— говорю я, от усталости опуская голову на пухлый журнал регистрации клиентов.— Какого-то первого встречного-поперечного пьянчужку снимают с заводских ворот и кладут голеньким в постель. А бедного командированного мытарят почем зря.

Если бы не «Гидромаш»,— оправдывается Шамрай,— иной раз можно было бы и трезвого командированного приютить. А «Гидромаш» только в январе дал двадцать посетителей.

Я отрываю голову от журнала. Выхожу на улицу.

Метет.

В гостинице нет мест.

г. Ливны, Орловской области.

— А это у нас зал ожидания.

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

К. ЦЫПЛЕНКОВ

Обмоем?

В глубине веков хранится еще много разных загадок. Ну что, например, нам известно о традиции «обмывания»? Ничего. Историки горы бумаг перерыли, а до истины так и не докопались. Разве не ценными были бы, скажем, такие сведения, что «обмывался» каждый второй убитый мамонт или въезд в новую пещеру? А может быть, в древности и не существовало такого обычая? Может быть, наши непросвещенные предки и не подозревали, что все приходящее в дом должно быть основательно «обмыто» и «спрыснуто»?

Как бы там ни было, а сугубо практичные современники путем бесконечных экспериментов пришли к выводу: различные новоселья, приобретения и сделки станут во сто крат крепче и надежнее, если их увенчать «белой головкой».

Попробуйте не выпить, скажем, за отъезд — никакого доброго пути вам не видать. По бездорожью, по лесам и оврагам будете мотатся. Заблудитесь. Так не солоно хлебавши и вернетесь. А к чему приводит «несмоченное» поступление на новую работу? Опять может ерунда какая-то получиться. Ни тебе выдвижения, ни повышения в перспективе... В общем, что ни говорите — Ну, а «головка белая», с медалями. Недаром практики своим умом постигли: «белая головка» — всему голова.

...Купил недавно Петька Хвастунов отрез на костюм. В мелкую клеточку. И, конечно, с ласканчиком, для надежности. Через каких-нибудь четверть часа об этом уже вся бригада знала. И потянулись к нему друзья. Многозначительно по горлу себя щелкают, загадочно подмигивают. И каким-то доверительным, журчаще-елейным голосом шепчут:

— «Обмыть бы, старик, покупочку-то. Не жмись. А то носиться не будет. Что поделаешь — традиция!

И вечером бригада организованно проследовала в шашлычную. Обладатель лавсанного чуда выложил по-купечески на стол пятерку, заначенную от жены. Друзья потрясли свои карманы. И началось. Бутылки сменялись графинчиками, а те — бутылками. Поздно вечером участников попросили на выход. Перед расставанием кому-то еще раз захотелось полюбоваться лавсанчиком. Глянули и ахнули. На середине отреза ярко выделялся отпечаток чьей-то масляной руки.

Короче говоря, не состоялся костюм. Ни одна химчистка не взялась за уничтожение следов пирушки в шашлычной.

Но костюм хоть и потеря, но не такая уж катастрофическая. А бывают утраты и похлестче...

В семидесяти километрах от Москвы, недалеко от станции Покровки, молодой, энергичный инженер, несколько лет откладывая деньги, построил дачу. Не какие-то хоромы, а простой домик с верандой. И друзья инженера стали вдруг проявлять большое беспокойство за судьбу строения.

Звонят инженеру по телефону, спрашивают:

— Как там дворец-то? Цел? Не развалился? Пора бы уголки-то «обмыть». Смотри, старик, стоять не будет — рассохнется, развалится...

И вот в один солнечный день на лоно природы прибыл сонм дружков-приятелей. Не свежим воздухом, конечно, дышать и не природой любоваться. Всех их пригнало на лоно одно — желание «обмыть» произведение строительной техники. Что делать — традиция!

Традиция требовала полного упития. Гостеприимный хозяин выкатил заветный бочонок браги. И по мере того, как опорожнялся бочонок, настроение, прямо скажем, становилось все более воинственным. От любезностей гости уже переходили к колкостям. Заплетающимся языком кто-то вспоминал разные разности по адресу хозяина:

— Три года тому назад, братец, взял ты у меня десятку, и как в воду... Теперь скажешь — забыл. Вот какие денежки подняли эту храмину...

— Ах вы, дармоеды! — взревел хозяин.— Вон отсюда! Чтобы глаза мои вас не видели!

И с опрокинутого стола полетела со звоном посуда. Кто-то кого-то держал. Кто-то кого-то бил. А хозяин изо всей мочи кричал:

— Ах вы!.. Я вам сейчас покажу! Взлетит сейчас в небеса эта дачка. Радуйтесь, изверги!

Выбежал на улицу, схватив по дороге две канистры с бензином, и под звуки крепкой брани стал поливать стены дома. Кто-то было пробудился от спячки, пытался остановить разбушевавшегося владельца. Но куда там! Трепетный огонек зажигалки решил судьбу дома и веранды. Остались от дачки только пепел и головешки.

Правда, их тоже «обмыли». Утром, когда уже светало, раздобыли где-то пол-литра с «белой головкой». И выпили.

Живет традиция. Нет-нет и раздастся традиционный вопрос:

— «Обмоем»?

В. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила

Геннадий Юрьевич Горский, директор Орловского института «Гипронисельпром», по натуре своей прирожденный реформатор. Поощряя деловой размах и широту мысли, он тяготеет к выдающимся преобразованиям.

Добавьте к послужной палитре директора неохватную щедрость его души — и перед вами образ научного борца за обновление села на ниве строительства.

Ну прежде всего, идя по линии обновления села, он произвел ряд преобразований в самом институте. Начал, как водится, с внешнего облика вверенного ему научного очага.

Чтобы всяк сюда входящий уже с порога чувствовал себя в атмосфере напряженного созидания, подъезд и холл украсили огромными мозаичными панно, отображающими пафос преломления научных дерзаний в сельском строительстве. На подъезде, разумеется, повесили вывеску:

> **«ГИПРОНИСЕЛЬПРОМ**
>
> **Государственный проектный и научно-исследовательский институт типового и экспериментального проектирования зданий, тепличнo-парникового хозяйства, овощей и фруктов и предприятий по переработке сельскохозяйственных продуктов Главсельстройпроекта при Министерстве сельского хозяйства СССР».**

Затем Геннадий Юрьевич обратил свои усилия на оснащение института современной техникой. Денег, понятно, не жалел. Только за один гигант вычислительной техники — гидроинтегратор 2-ИГЛ-2-10-4 отвалил 32 тысячи рублей.

Ну и, наконец, дабы наглядно демонстрировать гостям из чужих и наших палестин научную продукцию института, приказал изготовить два роскошных макета теплиц. Для чего из Москвы по его указанию привезли лепщика-умельца с супругой-поваром и посадили их (долой финансовое рутинерство!) на оклады главных инженеров проектов.

Теперь-то пусть жалуют гости. Титаническими усилиями Геннадия Юрьевича институт обрел облик как бы современного храма науки и солидной научной фирмы. В главке одобрительно покашливали. И только главбух фирмы Чернов вместо должного энтузиазма испытывал угрюмое неудовольствие, особенно по части экономических преобразований. И даже изложил его в пространной докладной.

Вы думаете, на него обрушились санкции? О нет, Геннадий Юрьевич отнес этот факт к дремучей отсталости, а самого урезонил посредством юмора, снабдив докладную такой резолюцией: «Не хотите ли поступить в Союз советских писателей?»

Главбух юмор понял и писательское творчество на том прекратил. Правда, в душе остался при старом убеждении: «Я, конечно, может, и отсталый, но только все это мне чего-то не нравится».

И до чего же прозорливым оказался этот несостоявшийся писатель!

В храм вскоре пожаловали незваные гости: два скромных товарища из областного Комитета народного контроля.

Товарищи были крайне любопытны.

Сначала они справились у директора, почем два макетика теплиц. И присвистнули: 3 400 рублей обрели за их изготовление «главные инженеры проектов», то есть лепщик-умелец и супруга-повар. Товарищи прицепились к пафосу из мозаики. И опять присвистнули.

Но еще пуще поразила их гордость директора — новейшая техника.

Гигант-гидроинтегратор бездельничал. А потребные технические расчеты делали за него на стороне, причем за крупную монету. Бездельничали и три электронных психрометра, хрономонограф и еще многие другие исполины точной техники на десятки тысяч рублей.

Тут у товарищей пробудился живой интерес и к другим финансовым делам фирмы.

Сперва они вникли в командировочные расходы. И нашли сильный перерасход и любопытные пикантности.

Во-первых, обнаружилась повышенная внимательность проектировщиков не к селу, а к крупным культурным центрам и особо к Черноморскому побережью. Например, цифры капвложений в строительство сельских хранилищ, каковые можно получить за почтовый пятак из любой глубинки, добывались за сотни рублей командировочных в веселом городе Одесса.

А во-вторых, приоткрылся беспримерный гуманизм директора. Смотрите: В. Бондарь, руководитель сектора, едет в Москву защищать диссертацию. А с ним для поддержки духа — какая, заметим попутно, чуткость! — Геннадий Юрьевич командирует его супругу и еще десять активных «болельщиков». И всех — под видом разработки важных тем.

Но, конечно, скромных товарищей контролеров и вовсе поразила бесстрашная финансовая реформа директора. Круша утвержденные сборники тарифных ставок и перешагивая через скучные постановления об ограниченном совместительстве, он выдает научным кадрам 16 тысяч рублей в год надбавки к зарплате. Для стимулирования их дерзновенности!

— В дерзновенности наша сила! — не без гордости признался реформатор.

Гостям, понятно, не терпелось поближе познакомиться с дерзновенными кадрами. Ах, какие славные оказались кадры! Из ста четырех ученых мужей, влекущих бремя сельскостроительной науки, 96 пренебрегли специальным образованием, причем многие из них вообще ограничились средним.

Дотошные гости опять же поинтересовались: какой вклад в процветание окрестных сел внесли скромные подвижники при этакой учености?

Вклад был безмерным.

К примеру, разработали «указания по методике теплотехнического расчета хранилищ». Правда, свои же проектировщики отказались руководствоваться «указаниями» в силу их непригодности для расчетов. И плакали 20 тысяч рублей.

На «рекомендации по строительству пунктов комплексной переработки картофеля» решили не скупиться — около 30 тысяч вложили в эту тему. И опять тот же результат!

Подготовили нормы водопотребления для сельских предприятий, перерабатывающих сельхозпродукцию. И надо же! Выяснилось, что эти нормы давно разработали и применяют на аналогичных предприятиях пищевой промышленности. Не туда, выходит, ездили в командировки! Велосипед изобрели.

Засучив рукава разработали «Рекомендации по реконструкции картофелехранилищ». Проверили их на практике. Не вынес картофель «рекомендаций» — погиб!

Наконец, создали двадцать пять проектов теплиц и прочих сооружений. И — да будет пыль им пухом! — все угодили в архив ввиду выявившейся неприспособленности к строительству.

Впрочем, по одному из проектов в одном из хозяйств области построили овощехранилище. Но — случится же такое! — овощи сгнили по причине отсутствия вентиляции. Колхозники, правда, устроили в овощехранилище обычный склад, так что научный труд на этот раз не совсем пропал зазря.

В общем, к огромному неудовольствию Геннадия Юрьевича, изучив дела института, гости не проявили ни малейшего умиления. Наоборот, апеллируя исключительно к фактам, они нашли деятельность директора малозаконной, а института в целом — грабительской: за четыре года четыре миллиона сгорело на воздвигнутом им алтаре науки. И решительно никакой отдачи!

Как терпелив, деликатен и красноречив был директор! С какой мягкой, снисходительной улыбкой объяснял он нетактичным гостям, что нельзя входить в храм науки в галошах, что наука — предмет деликатный, что она требует жертв и дерзаний. И нельзя вот так просто взять и перечеркнуть плоды его четырехлетней деятельности.

Гости хмуро выслушивали все это и в меру данной им власти ранили тонкую душу преобразователя грубым выговором.

А потом через свои центральные инстанции обратились к Главсельстройпроекту, чтоб он доделал начатое ими дело и окончательно воздал преобразователю по заслугам. Главк ведь ученый — ему и карты в руки.

Вскоре из главка прибыли три ведущих специалиста по вопросам науки и проектирования. Ученое трио продефилировало по лабораториям и кабинетам, осмотрелось в задумчивости и в тот же день, не попрощавшись, с первым же поездом умчалось в Москву.

И с тех пор ученый главк — ни гу-гу.

— А что делать, товарищ? Что с воза упало, то, как сами знаете, пропало. Аминь! — объяснил мне эту молчаливость заместитель начальника главка Н. Мельников.— И потом не наказывать же директора дважды!

И действительно, ну разве миллионы на общегосударственный воз теперь вернешь? Светлая им память. Можно снять шляпы. Но, с другой-то стороны, как все же с этим примириться: четыре миллиона с воза — и выговор! Не слишком ли дешево?

г. Орел.

— Надоело носить...

Рисунок Г. ИОРША

ПРОГРЕСС И ПРОГРЕССИЯ

(ПРОЕКТ ЗАДАЧНИКА ПО АРИФМЕТИКЕ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ АМЕРИКАНСКИХ ШКОЛ)

В целях укрепления связи школы с жизнью учебный материал желательно строить на простеньких жизненных примерах. Именно поэтому мы рекомендуем настоящий сборничек арифметическо-логических задач вниманию заинтересованных педагогических и полицейских кругов США.

ЗАДАЧА № 1. Если, по данным подкомиссии сената США, в начальных и средних школах двадцати крупнейших городов Соединенных Штатов в течение 1968 года было совершено 26 убийств, 81 изнасилование и 1 508 краж школьного имущества, то спрашивается, сколько таких преступлений приходилось на школы одного города?

ЗАДАЧА № 2. В 1969 году в школах США было совершено преступлений в пять раз больше, чем в 1964 году. Не значит ли это, что в 1980 году в школах США будет в десять раз больше правонарушений, чем в 1970-м?

ЗАДАЧА № 3. Если, по данным полиции города Сент-Луис, 75 процентов учителей ходят в школу с заряженным пистолетом в кармане, то спрашивается, на что рассчитывают остальные?

ЗАДАЧА № 4. Ученики школы г. Нешвил (штат Тениесси) до смерти избили дирижера школьного оркестра, а в Детройте школьники лишь тяжело ранили ножом учителя математики. Какой предмет более нелюбим: математика или пенне?

ЗАДАЧА № 5. Если в результате внезапных обысков, учиненных в 1969 году полицией в школах 20 крупнейших городов США, было изъято свыше одной тысячи единиц огнестрельного оружия, а в картотеках полиции этих же городов было зарегистрировано четыре тысячи уголовных преступлений, совершенных школьниками, то значит ли это, что на одного ученика — владельца пистолета приходится четыре преступления? Или же это значит, что 75 процентов преступлений совершается без применения огнестрельного оружия?

С. БОРИСОВ

И. ИРОВ, З. ЮРЬЕВ

ПРОРОК НА ПОДСТАВКЕ

В детстве он боялся змей и пел в церковном хоре. Потом поступил на работу в библиотеку конгресса США клерком по составлению карточек. Работа эта не напоминала хоровое пение, но составлять карточки оказалось очень интересно. Настолько интересно, что эту страсть он сохранил на всю жизнь. Возможно, со временем он стал бы даже главным библиотекарем, но в 1917 году перешел на работу в министерство юстиции.

Оказалось, что американской юстиции тоже были нужны составители карточек — досье на граждан США. Опыт работы в библиотеке пригодился. Только за три месяца 1919 года было заведено 60 тысяч досье, и это стало его профессией, его страстью, силой, которая вознесла его на высочайшие ступеньки государственной лестницы США.

Зовут бывшего клерка, а ныне директора ФБР — Эдгар Гувер. В морщинистых руках этого семидесятипятилетнего старца — досье на 7 миллионов человек и без малого 200 миллионов отпечатков пальцев.

Бывший сотрудник ФБР Норман Олистад советует нынешним сотрудникам: «Вы должны быть всегда одеты в консервативно-деловой костюм. Ни в коем случае не носите полосатых галстуков, директор их не любит. Когда вы входите к нему в кабинет, никогда не смотрите вниз. Ведь наш уважаемый директор иногда стоит на подставке. Делайте вид, что не замечаете ее...»

Главный полицейский США становится на подставку не только для того, чтобы добавить несколько дюймов к своему более чем скромному росту. Дело в том, что бывший участник церковного хора всю свою жизнь мечтал об амплуа проповедника, если хотите, даже пророка. Особенно с 1917 года, когда он стал полицейским и когда в России победила социалистическая революция.

И вот наконец полицейская мечта осуществилась. После пятидесяти двух лет пребывания в ФБР и пятидесяти двух лет существования Советской власти коротышка, не любящий полосатых галстуков, издал книгу под названием «О коммунизме» ценой в четыре доллара девяносто пять центов. Цель этой бумажной подставки для полицейского пророка весьма скромна — перечеркнуть коммунизм как идеологию и учение, как полувековую практику Страны Советов. Только и всего. Для начала, так сказать, в порядке разминки, мистер Гувер восклицает: «Коммунизм не является и не может быть философией в точном смысле этого слова!»

От своего главного тезиса мистер Гувер буквально не может оторваться. Он снова и снова возвращается к нему, по-библейски воздевая руки и бормоча: «Коммунистическая философия неверна со всей очевидностью».

Спасибо, мистер Гувер! В отличие от первой цитаты во второй вы все-таки признали, что коммунистическая философия существует. Слава ФБР, а то мы, право, чуть было не впали в уныние: а вдруг и правда нет у нас философии! Но вот оказывается, что философия у нас есть, хотя, правда, неверная. И не просто неверная, а неверная со всей очевидностью!

Приходится констатировать, что главному полицейскому Америки со своей подставки виднее. Ну что это действительно за философия, которая отбирает у человека право на эксплуатацию ближнего, право на власть денег, право на безработицу, право на геноцид, право на организованную преступность! Да это же действительно не философия, а бог знает что! Так и тянет, наверное, мистера Гувера нажать на кнопку звонка, вызвать помощника и приказать: «Чтобы к завтрашнему дню коммунистическая философия была изловлена и посажена! И не забудьте взять у нее отпечатки пальцев!»

Но поскольку задание это выполнить не так-то просто, мистер Гувер бросается в очередную атаку на коммунизм. «Основная цель коммунистов,— возвещает он,— не строить, а ломать и разрушать». Вон оно, оказывается, как. Мы «сломали» Братск и Комсомольск, «разрушили» сотни новых городов, которых прежде не было на карте, ежегодно «ломаем» новенькие, с иголочки, заводы и орбитальные космические станции.

...Скрипит подставочка под коротенькими ножками главного полицейского США. Мелькают в воздухе кулачки. Мистер Гувер, на десять лет превысивший обязательный в США возраст для выхода государственных служащих на пенсию, отчаянно сражается с коммунизмом. В самом деле, как уйти на покой, когда ненавистный ему коммунизм никак не хочет являться к нему с повинной! И даже наоборот: чувствует себя в отличие от самого шефа ФБР все более молодым и крепким.

Мартти ЛАРНИ

ПАРИКМАХЕР ЛЕЧИТ ИПОХОНДРИЮ

Неожиданно разбогатевшим трудно. Им нелегко скрыть от окружающих, что они неожиданно разбогатели. Деньги говорят за них, а к голосу денег, как известно, прислушиваются. Правда, богатеи уверяют, будто деньги не приносят счастья. Наверное, это так, потому что в противном случае они стали бы раздавать деньги беднякам.

Коммерсант Куйтунен, разбогатевший на спекуляциях квартирами, зарабатывал больше, чем его жена успевала промотать. Г-жа Куйтунен тоже умела заставить деньги говорить за себя. Во всяком случае, шикарные дамы света прислушивались к ее речам.

— У моего мужа по меньшей мере около ста акций в кооперативе и десятки тысяч гектаров леса, а он все недоволен. Он настолько нервный, что не терпит ни малейшего шума. Даже свист его раздражает. Однажды наш маленький сыночек учил уроки и свистел. Муж сердито закричал на него: «Не действуй мне на нервы!» «А поезд тоже свистит», — ответил мальчуган. «Верно, свистит, но разница между его и твоим свистом огромна: когда поезд свистит, он трогается с места, а ты сидишь на месте и ждешь, когда я тронусь».

Г-жа Куйтунен пустила романтическую слезу и опять заверила, что деньги не приносят счастья людям. Тут одна из приятельниц сказала:

— Твой муж переутомился. Ему нужен психиатр.

— У нас уже есть и «кадиллак» и «фиат». Может быть, «психиатр» — это название нового цветного телевизора?

— Нет, я говорю о враче...

— У мужа давно вырезаны аппендикс и гланды. Он вполне здоров. Только нервный. Особенно с похмелья. Он просто не выносит никаких звуков.

— Тогда ему действительно необходим психиатр, — заметила приятельница № 2. — Все шикарные семьи обращаются нынче к психиатрам. Психиатры в моде. Во всяком случае, я хожу к своему раз в неделю, как на массаж лица.

Г-жа Куйтунен призадумалась над тонкостями жизни: человеку, оказывается, нужна как внешняя, так и внутренняя косметика. Приятельницы поучали ее: бедняки — сердитый народ, а богатые — нервный. Кто-то сообщил, что все гостиницы великих западных держав держат для респектабельных клиентов своих психиатров. При отелях имеются даже специальные комнаты, где клиенты могут бить дорогостоящую фарфоровую посуду для успокоения нервов.

Все симптомы указывали на то, что семье коммерсанта Куйтунен не хватало психиатра. Глава семьи нервничал, если бизнес не давал достаточно крупных барышей, жена волновалась, потому что муж разговаривал во сне, а единственный их ребенок, восьмилетний Отто, тоже нуждался в срочной помощи: он насвистывал и напевал песенки неприличного содержания.

Г-жа Куйтунен начала регулярно следовать современной моде: два раза в неделю — в салон красоты и раз в неделю — к психиатру. Она избрала своим психиатром мужчину, не имеющего законных прав заниматься профессией врача, поэтому у него были только богатые пациенты.

За три месяца г-жа Куйтунен заплатила своему психиатру сумму, равную годовой зарплате хорошего специалиста. Такое расточительство довело ее мужа до белого каления. Нервы его разгулялись настолько, что он тоже решил обратиться к психиатру.

— А вы плохо выглядите, господин торговый советник, — заметил психиатр, разглядывая мужчину, лежавшего на диване. — У вас много забот?

— Уйма! Неделями не сплю.

— А почему?

— Не могу спать. Я разговариваю во сне.

— Но это не должно было бы вам мешать.

— Мешает и раздражает. Видите ли, доктор, когда я утром встаю, жена тут же заявляет мне, что я опять бормотал старую противную ложь...

— Расскажите-ка. Можете на меня положиться.

— Она говорит, что я бормочу: «Честным трудом не разбогатеешь... Честным трудом не разбогатеешь...»

— Это не ложь, а чистейшая правда, — сказал психиатр, выписывая счет на пятьсот марок. — Теперь можете спокойно разговаривать во сне. Но если у вас появится какая-нибудь другая тема, будет еще лучше.

Г-жа Куйтунен была счастлива. Она могла теперь с гордостью сообщить своим приятельницам:

— Моего мужа не узнать, он стал другим человеком. Он тоже бывает на приеме у психиатра.

Но затем появился новый предмет для забот и беспокойства: единственное дитя семьи Куйтунен стало странно вести себя. Тут мать решила срочно направить его на обследование.

— Я так боюсь, — с тоской жаловалась она. — Отто — единственная отрада нашей семьи, а теперь... Ах, доктор, я так несчастна!..

— Почему? — задал вопрос психиатр. — Расскажите.

— Сын очень любит рисовать... Я так беспокоюсь... Вот посмотрите!

Женщина достала из сумки пачку рисунков и разложила их на столе перед врачом. Психиатр поглядел на рисунки маленького художника и заметил:

— Не вижу в них ничего странного. Тут, совершенно очевидно, собака, тут, вероятно, птица и здесь, надо полагать, девочка.

— Ах, доктор! Как же вы не видите, что он все раскрашивает в зеленый цвет? Птиц, собак, людей, дома, лошадей — все. Отто все видит только в одном зеленом цвете...

— Действительно, все зеленое. С точки зрения психиатрии это очень интересный случай.

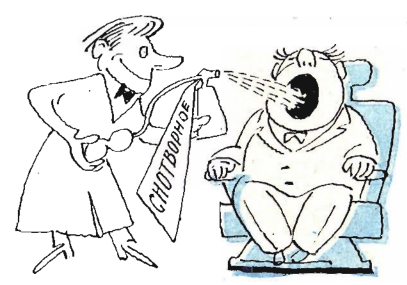
— Возможно, что интересный, но тревожный. Что делать?

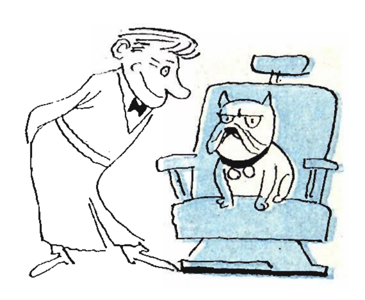
Психиатр положил руку на плечо мальчика и сказал:

— Послушай, Отто, почему ты все раскрашиваешь только в зеленый цвет?

— А я потерял все другие карандаши... У меня остался только зеленый.

Психиатр посоветовал г-же Куйтунен купить сыну новые цветные карандаши и выписал ей счет на пятьсот марок. Г-жа Куйтунен была так счастлива, что вручила доктору тысячу. В тот же вечер светские круги города обошла молва, что семья торгового советника Куйтунена самая счастливая в мире, потому что все члены ее регулярно бывают у психиатра, занимающегося частной практикой.

В круг интересов семьи, которая является по-настоящему шикарной и состоятельной, входят не только косметика и психиатрия, но прежде всего собаководство. На недавней выставке собак бульдог г-жи Куйтунен был отсеян уже в первом туре. Судьи нашли собаку слишком жирной, апатичной и плохо воспитанной. Владелице было объявлено, что она привела не породистое животное, а какую-то помесь и к тому же весьма уродливую. Г-жа Куйтунен решила подать на жюри в суд за оскорбление чести. Она обратилась к психиатру за моральной поддержкой. Психиатр был очень удивлен, когда г-жа Куйтунен появилась у него на приеме вместе с собакой.

— В чем дело, уважаемая госпожа советница? — спросил врач.

Женщина не пустилась в слезы, а изложила свое дело без обиняков.

— Скажите, доктор, может ли урод быть породистым?

— Конечно, может, но о ком идет речь — о вас или о собаке?

Психиатр не успел выписать счет. Г-жа Куйтунен гордо удалилась, уведя с собой бульдога. Психиатр посмотрел им вслед со слезами на глазах: он потерял изумительных пациентов из-за одного неосторожного слова, которое сорвалось с языка вопреки всем законам психологии. Впрочем, он всегда боялся, что когда-нибудь выдаст себя. Ведь по настоящей своей профессии он был парикмахером.

Хельсинки.

Перевел с финского **В. БОГАЧЕВ**

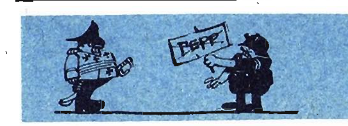
ГААГА. Дирекция крупной торговой фирмы объявила, что ищет продавцов, страдающих... косоглазием. Директор предприятия так объяснил странную затею: «Это очень практично с точки зрения контроля. Покупатели, норовящие что-нибудь стащить, не могут определить, в какую сторону смотрит продавец. В одном из наших магазинов, где проведен уже такой опыт, число краж сократилось на 85 процентов!»

КОНСЕПСЬОН (ЧИЛИ). Бургомистр города направил шестерых молодых полицейских в гражданском платье в университет, чтобы, участвуя в студенческих демонстрациях, они выявили лидеров прогрессивной студенческой организации. Спустя некоторое время бургомистр получил шесть писем от своих подчиненных. Все они заявляли, что отказываются от дальнейшего несения полицейской службы, так как решили учиться, а трое добавили, что, познакомившись поближе со студенческой организацией, решили вступить в нее.

ПАРИЖ. Статистики подсчитали, что в 1900 году фиакр двигался по парижской улице в среднем со скоростью 9 километров в час, тогда как в настоящее время средняя скорость автомашины в центре столицы в часы «пик» не превышает 7 километров в час.

БОНН. Генеральный инспектор западногерманских сухопутных сил предложил в корне демократизировать взаимоотношения в бундесвере. Притом очень простым способом: изъять слово «герр» из обращения к вышестоящим командирам. Так, подчиненный, обращаясь к генералу, не должен будет говорить: «Яволь, герр генерал!», — а обращаться по-простецки: «Яволь, генерал!» («Слушаюсь, генерал!»). И тогда, очевидно, все обвинения в засилье прусского духа отпадут сами собой.

— Эх, сколько за это время воды утекло бы!

по тому же поводу...

«ФАНТАЗИИ НЕ ХВАТАЕТ»

Одноименная заметка была опубликована в № 25 «Крокодила» за прошлый год. Рассказывалось в ней о том, что московский электрозавод имени Куйбышева отправил в Калининский горпромторг 2 100 автотрансформаторов в сопровождении инструкций, при штампе и печати. Грузополучатель же, развернув промасленную бумагу, обнаружил в шести свертках кирпичи.

Как выяснилось при расследовании органами милиции, автотрансформаторы действительно были похищены, но вне пределов завода. По логике вещей кража произошла в пути следования, а посему данный факт следует отнести к фельетону «Ночь, станция...», в котором как раз и рассказывалось о подобного рода хищениях («Крокодил» № 19, 1969 г.).

В. СТРОНГИН Рассказ

Повезло

Мне раньше никогда не везло. Кладов я не находил, наследства не получал, по лотерее больше рубля не выигрывал... Две дочки у меня... И если чего в жизни добивался, то собственными руками и мозгами. А тут повезло.

Случилось это в Ташкенте. В последний день командировки. Подошел ко мне на базаре симпатичный старичок в тюбетейке и предложил купить ковер. Не очень новый, но красивый. Два с половиной на четыре. И всего за десятку.

«Уж больно дешево», — подумал я и спросил:

— Это ваш ковер?

— О, аллах, что слышат уши старого аксакала?! — забормотал старичок. — Не сомневайся. Бери. Хорошая память будет о нашем сказочном городе!

Привез я ковер домой, развернул, и вдруг стал он в воздух подниматься. Мы с женой рты поокрывали.

— Ковер-самолет! — завизжала моя старшая дочка и вовремя задержала его.

— Ну и повезло тебе! — сказала жена.

А я и сам чувствую, что повезло. Утром не спеша побрился, позавтракал и полетел на работу. За три минуты до учреждения добрался. Не успел бумаги на столе разложить, а меня уже вызывает завотделом.

— На чем это ты, Ивушкин, сегодня прикатил?

— Не прикатил, а прилетел! — отрапортовал я. — На ковре-самолете!

— Так... Факты подтверждаются. Скажи тогда, на какие средства ты его приобрел?

— На командировочные.

— Брось, Ивушкин, сказки рассказывать, — помрачнел завотделом. — Мой тебе совет... не только как начальника, но и как старшего товарища... Пока не поздно, передай ковер-самолет нашему детскому саду. Потом, при разборе твоего дела, это учтут.

Я, разумеется, ничего подобного делать не стал. И кому требовалось, все объяснил. Немало, правда, на это ушло сил и времени. Зато теперь для меня никакой дали не существовало. Захотелось — на стадион полетел. Или в лес. Или к тетке в Куйбышев. При этом с полным комфортом. Хочу — сижу, хочу — лежу. И даже нелетная погода не страшна.

Однажды зашел ко мне представитель Аэрофлота и попросил продать ковер-самолет.

— Не могу, — сказал я. — Раз в жизни повезло.

— Тогда предлагаю обмен. Желаете вертолет? А может, «ИЛ-18»?

— Нет, — отказался я. — Шумят очень и много топлива жрут. Но если вам будет необходимо по срочному делу, то пользуйтесь. Мне не жалко.

Я действительно многим помогал. Кому нужно мебель перевезти, или дрова, или кирпич — пожалуйста, бери мой ковер. Только потом почисти его.

Сам я летал уже редко. Больше за людей радовался. Но вот как-то останавливает меня шофер автобазы Митька и нахально дышит в лицо винным перегаром.

— Ты меня уважаешь?

— Уважаю.

— Врешь, сукин сын! Попробуй хоть еще один раз моему клиенту свой летающий половик дать... Не видать его тебе тогда... Изрежу... На мелкие кусочки... И в утиль сдам!

А тут еще в месткоме волынка. Путевку со скидкой не дают.

— У меня две дочери, — заикнулся я.

— У него самолет! — заявил завотделом.

— Ковер у меня.

— Нет, самолет! Самолет! Не давать путевку!

И тут я задумался. Кто я такой? Миллиардер Онассис? Нет. Товарищ Ивушкин! Жена у меня кто? Жаклин? Нет. Даша. Серьезная женщина. Она меня поймет. Ну что я такое выдающееся в жизни совершил? Небывалый урожай собрал или ген в чистом виде выделил? Почему именно мне везти должно, когда другие люди за железнодорожными билетами стоят, за такси бегают, в автобусах давятся? Почему?

— Повезло, и хватит! — решил я.

В пятницу после работы последний раз с семьей за город слетал. Искупался. Девочки грибов пособирали. Жена чистого воздуха надышалась. Полетели обратно. Сделал я прощальный круг над городом... А в субботу понес ковер-самолет в универмаг. Смотрю, у отдела ковровых изделий мужчина в тюбетейке прохаживается и недовольно языком цокает.

— Купите ковер, — сказал я ему. — Два с половиной на четыре. И всего за десятку.

— Не краденый? — поинтересовался мужчина, радостно ощупывая ковер.

— За кого вы меня принимаете? — обиделся я и тут же смягчился. — Не сомневайтесь. Берите. Хорошая память будет о нашем чудесном городе!

ПРОСТО АНЕКДОТ

Проводник:

— Уберите с дороги ваш чемодан! Пассажиры падают, спотыкаясь о него.

Пассажир:

— Оставьте чемодан, где он стоит. Если о него никто не будет спотыкаться, то я его здесь забуду.

●

— Что вы, уже очень поздно, ваши соседи будут недовольны, — отговаривался гость, когда хозяйка попросила его спеть.

— Соседи! Так им и надо! На прошлой неделе они отравили нашего кота.

●

— Здорово ты действуешь молотком. Ну прямо как молния!

— Так же быстро?

— Нет. Так же не попадаешь дважды в одно и то же место.

●

Лодка переплывает небольшую речку в Испании. Американский турист сидит на скамейке рядом со священником, который держит на привязи ослика. Животное трясется от страха. Турист спрашивает:

— Что с вашим ослом, почему он так трясется?

Святой отец тихо ответил:

— И вы бы затряслись, если бы у вас была веревка на шее, а рядом священник.

●

В Вашингтоне журналист берет интервью у одного из самых старых жителей:

— Чему вы приписываете свое долголетие?

— Я никогда не жил в Техасе.

●

— Ты можешь объяснить, как работает радио?

— Представь себе, что у тебя собака такой длины, что хвост ее на Аляске, а нос в Лос-Анджелесе, и ты наступаешь ей на хвост на Аляске, и она лает в Лос-Анджелесе. Это телеграф. А радио — это то же самое, только без собаки.

●

В автобусе:

— Сэр, вы украли у меня из кармана носовой платок!.. Ах, вот он, в другом кармане. Простите, ради бога.

— Ничего, ничего. Мы квиты. Вы думали, что я вор, а я полагал, что вы джентльмен.

●

Полицейское управление разослало по всем участкам фото разыскиваемого преступника в шести ракурсах. Вскоре из одного участка было получено срочное донесение: «Пятеро арестовано, за шестым ведется наблюдение».

●

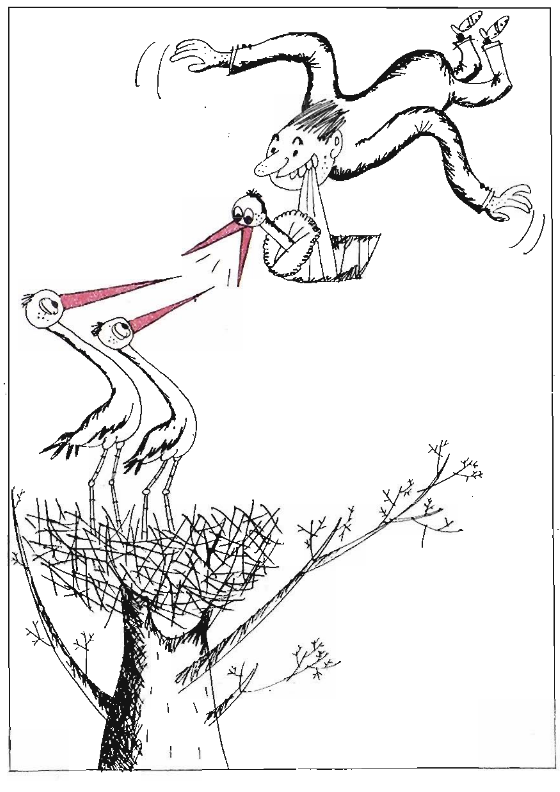

«КРОКОДИЛ» В ЗАПАДНОМ БЕРЛИНЕ

С 5 по 20 февраля 1970 года в Западном Берлине гостила выставка работ крокодильских карикатуристов, приглашенная Обществом германо-советской дружбы. На открытии выставки присутствовал народный художник РСФСР Иван Семенов.

Посетители выставки познакомились с 80 карикатурами, созданными в последние годы ведущими художниками нашего журнала. Посетители и большая часть западноберлинских газет тепло отнеслись к представленным работам. Газета «Телеграф» отмечает талант крокодильских карикатуристов: «Советские художники не ограничиваются штриховыми намеками, основной их мотив всегда выписан до деталей, штрихи тверды и постоянны». «Дер абенд» пишет: «Советские карикатуристы принимают политику очень близко к сердцу. И относятся к ней очень серьезно». «Ди вархайт» отмечает: «Первое знакомство показало, что рисунки отличаются прежде всего сатирическими атаками на империализм США и на реакционные силы Западной Германии».

Зато западногерманское радио выразило свое неудовольствие: его удручает, что, мол, боль-

Услуга за услугу.

Рисунок Н. КАЛИТИНА

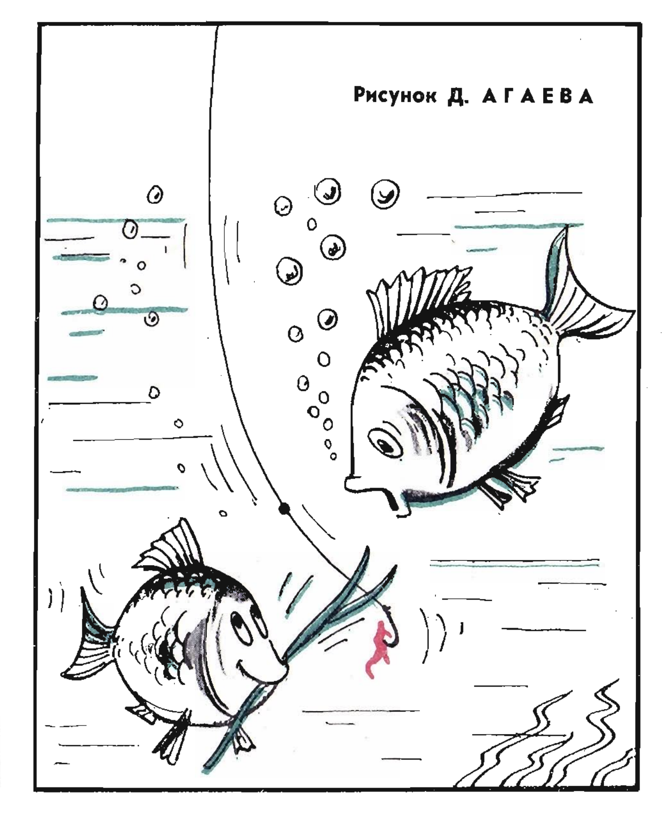

Рисунок Д. АГАЕВА

— Перестань издеваться над человеком!

НЕОЖИДАННЫЙ СОПЕРНИК

Вот ведь еще как бывает. На фельетон М. Семенова «К вопросу об удешевлении управленческого аппарата» («Крокодил» № 2) должны были ответить Министерство мелиорации и водного хозяйства РСФСР, а также его Главное управление охраны водных ресурсов (начальник тов. Павлов С. П.).

Об этом главке и шла речь в фельетоне. Включившись в борьбу за самоусовершенствование и самоудешевление, он развил бурно клокочущую деятельность. На бассейновые инспекции была обрушена такая лавина отчетности, что огорошенные инспектора два месяца не то что своих водных ресурсов — света белого не видели. Забросив все свои дела, они заполняли бесконечные графы «Макета годового отчета», спущенного им из главка.

Фельетон предоставил инициатору этой канцелярской эпопеи тов. Павлову все права стяжать приз справедливости, приняв соответствующие меры.

Но тут на сцену вышел неожиданный соперник. Мы получили такое письмо:

«ЦСУ РСФСР проверило факты, изложенные в фельетоне. При проверке они подтвердились... Тов. Павлов С. П. специальным распоряжением ввел для подведомственных организаций годовую, полугодовую и квартальную отчетность, содержащую большое количество ненужных для планирования и учета показателей.

По требованию ЦСУ РСФСР тов. Павлов С. П. отменил представление незаконной отчетности.

Начальник ЦСУ РСФСР
Б. Колпанов».

Что ж, теперь слово за министерством. Ему придется ответить на некоторые вопросы, продиктованные суровой прозой жизни:

1. Сколько человеко-месяцев было затрачено впустую на изготовление многотомной филькиной грамоты?

2. Во что обошлась эта канцелярская забава государству?

3. Кто и как за нее ответил?

4. А как же все-таки насчет удешевления аппарата главка? Чем будут заняты теперь штатные единицы вместо сочинения многодумных отчетных таблиц?

Только дав ответы на эти вопросы, министерство может победить в борьбе за приз справедливости такого грозного соперника, как ЦСУ.

«УЧЕНИК АПТЕКАРЯ»

В прошлогоднем № 24 «Крокодила», в заметке «Ученик аптекаря» говорилось о том, как работники киевского магазина «Книга — почтой», предлагали своим заказчикам вместо отсутствующих в продаже книг совершенно другие. Например, вместо книги «Практическое акушерство» или книг по судебно-медицинской экспертизе в рекомендованном магазином списке значилось что-нибудь вроде «Курса болезней рыб» и т. п.

Зам. директора «Киевкниготорга» тов. А. Цуканов сообщил редакции, что он весьма сожалеет о случившемся и приносит свои извинения заказчикам тт. Павловой и Глазеву. Заметка обсуждена в коллективе работников киевского магазина. Критика признана правильной.

Зав. отделом реализации литературы тов. Белкину С. С. рекомендовано более внимательно относиться к письмам заказчиков, а просьбу заказчиков Павловой и Глазева выслать книги по акушерству и судебной медицине немедленно удовлетворить.

«ПО ВСЕМ ПРЕДМЕТАМ»

В заметке под таким названием, опубликованной в «Крокодиле» № 27 за прошлый год, рассказывалось о том, что в поселке Известковый, Еврейской автономной области, школьники к началу учебного года оказались без авторучек.

Председатель облисполкома тов. А. Оковитов объяснил этот возмутительный факт небрежностью работников Биражанского рабкоопа, которые просто забыли привезти авторучки в магазины.

Председателю рабкоопа тов. Смольнику дано указание исправить оплошность и обеспечить авторучками всех школьников поселка.

шинство объектов советской политической сатиры «повторяется». Что ж делать, господа, вина не наша. Не было бы в Западной Германии неофашистов, не было бы американского империализма, не нападали бы израильские экспансионисты на мирное арабское население, тогда бы наши карикатуристы поискали другие объекты для своих рисунков. А пока — не обессудьте...

О людях с тысячью лиц

«Первый раз в жизни выйдя на манеж, я совершенно растерялся. На меня смотрели выжидательно, впрочем, и не рассчитывая увидеть что-то сверхъестественное. Казалось бы, чего проще: показать приготовленную репризу. Но я решил вдруг, что будет очень смешно для начала просто неуклюже шлепнуться. Гробовое молчание, ни одного смешка. Дебют кончился весьма плачевно: меня немедленно сняли с программы...»

Так самокритично пишет о себе народный артист РСФСР, старейший мастер клоунады Михаил Николаевич Румянцев — прославленный Карандаш. Сейчас, разумеется, все обстоит иначе.

Так ли уж легко пришел к нему успех?

«Легкость мысли юмориста, — отвечает Карандаш на этот вопрос, — из напряженного труда...»

О веселом, но невероятно трудном искусстве древнейших народных балагуров и острословов рассказывает книга «Искусство клоунады». И если ты, читатель, хочешь провести несколько вечеров в обществе веселых и добрых людей, почитай эту книгу, выпущенную издательством «Искусство».

«Мусор высыпайте в колокольчик!»

(Объявление во дворе дома № 78 по ул. Марата)

Списала Е. Татаринова, г. Иркутск

«На полях наших колхозов и совхозов в основном все работы выполняются женщинами. Чтобы управлять ими, нужны умелые руки, хорошо знающие технику механизаторы».

Газета «Ленинское знамя», село Пижанка, Кировской области

«Для отбора указанного поголовья выедет наш представитель. Просьба создать лучшие условия содержания и кормления на сбалансированном рационе».

(Из уведомления)

Прислал В. Мозговой, пос. Марьино, Курской области

«Театр чтеца поет Ирина Бржевская».

Газета «Вечерний Свердловск»

Производство и воспитание детей

Заголовок статьи из газеты «За качественную руду», г. Керчь

«Мы будем проводить меры материальной заинтересованности. Например, один техник работает в поте лица, а второй бездельничает. Подходит время распределять премию. Первый — получай 30 рублей, а второй, который только пил газировку да болтался — 25 рублей».

(Из выступления на профсоюзном собрании)

Записал П. Морозов, г. Рязань

«Прошу дать мне увольнение на 29 и 30 ноября, так как мне нужно ехать в загс для восторжения брака».

(Из заявления)

Прислал А. Иванов, г. Пермь

«Чтобы было больше поголовья животных, надо добиваться того, чтобы каждая голова скота женского рода, как правило, прежде чем пойти под нож на мясо, дала себе замену для последующего воспроизводства стада».

Газета «Горьковский рабочий»

Фото В. Лыкова, г. Тула

(Реклама в магазине «Пассаж»)

Фото Г. Григорьева, г. Ставрополь

— Ковбойские фильмы ее с ума свели!

Рисунок Е. ГАВРИЛИНА

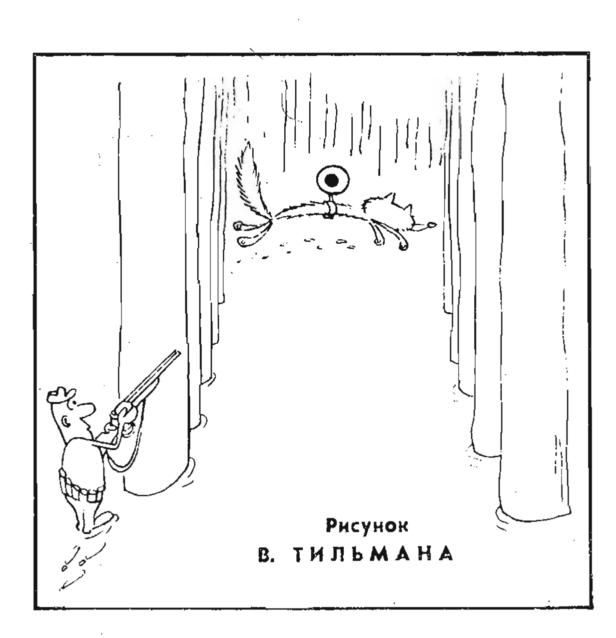

Рисунок В. ТИЛЬМАНА

КРОКОДИЛ

№ 7 (1945)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: Д. Агаев, М. Битный, Е. Гаврилин, А. Грунин, В. Жаринов, А. Костовецкий (г. Киев), И. Норинский, В. Соловьев, Н. Станиловский, И. Сычев, В. Тесленко (г. Воронеж), В. Тильман, М. Ушац.

Главный редактор М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:

М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ (зам. главного редактора)
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДЕИН (ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Н. И. ШТАНЬКО
Е. А. ШУКАЕВ (художественный редактор)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Технический редактор А. КОТЕЛЬНИКОВА

Сдано в набор 19/II 1970 г. А 06383. Подписано к печати 27/II 1970 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 770 000 экз. 1 завод: 1 — 4 683 000. Изд. № 251. Заказ № 426.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448

АЛИ-БАБА И СОРОК РАЗБОЙНИКОВ

Рисунок Е. ШУКАЕВА